

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Арслана Дагировича Хасавова на тему «Отражение общественной деятельности писателя в его политической публицистике (на примере творчества А. И. Приставкина)», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по научной специальности «5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика»

Диссертация Арслана Дагировича Хасавова «Отражение общественной деятельности писателя в его политической публицистике (на примере творчества А. И. Приставкина)» представляет собой законченное научное произведение, состоящее из трех глав. Первая глава посвящена жанровой палитре позднесоветской и российской журналистики; вторая исследует феномен публицистики через призму концепта «авторский/личностный миф»; третья посвящена творческому методу А. И. Приставкина и отражению его деятельности на посту Председателя комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ в публицистических работах писателя.

В первой главе, уточняя термин «публицистика», автор справедливо указывает на промежуточный статус публицистики между информирующей журналистикой и художественной литературой, а также призывает переопределить термин «публицистика». Проведен анализ многозначности термина (публицистика как процесс создания текстов, результат журналистского творчества, социальный институт и др.).

Вторая глава посвящена исследованию концепта «авторский миф» («личный миф», «личностный миф») как основы индивидуального стиля публициста. В параграфе 2.1 автор удачно реконструирует историю досоветской, советской и новой российской публицистики, показывая, что через ведущие произведения публицистики можно проследить «личностный миф» авторов, в основе которого – своеобразная дихотомия «автор / образ автора в тексте» и художественная переработка (мифопоэтизация) актуальных исторических событий. Так выстраивается сопричастность автора истории и обществу, гарантирующая, что объектом исследования автора остается объективная реальность, а не художественный вымысел. Параграф 2.2 украсило бы операционное определение авторского мифа как концепта, поскольку в работе оно не приведено, и поэтому элементы этого концепта анализируются отдельно друг от друга. Можно заключить из текста главы, что элементами авторского мифа являются события собственной жизни автора, способы и средства трансформации этих и иных исторических событий, авторская публицистическая стратегия (отношения с содержанием и с аудиторией) и определенное автором собственное место как свидетеля и/или участника в потоке истории или очерченном круге социальной проблематики.

Третья глава посвящена реконструкции творческой биографии А. И. Приставкина и анализу его публицистики. В частности, особое внимание уделено публицистике писателя, созданной сразу после периода его деятельности на посту Председателя комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. В третьей главе при анализе произведений автор диссертации использует выделенные во второй главе типы публицистических стратегий, показывая, как именно реализуется авторский миф. Здесь можно указать на то, что чаще всего, судя по приведенному анализу произведений, авторский миф (отсылка к

собственному детскому и взрослому опыту, а также к значимым историческим событиям) реализуется через субъективную и прецедентную стратегии, но другие типы творческих стратегий также участвуют в комплексном конструировании исторического свидетельства автора. В частности, стратегия «Я-присутствия», определенная автором диссертации, является стержнем мемуарных произведений А. И. Приставкина.

Авторский анализ позволяет сделать несколько выводов, значимых для дальнейших исследований. Так, термин «публицистическая стратегия» может разрабатываться далее и уточняться. Термин «авторский миф» может успешно применяться для анализа публицистических стратегий других авторов – при условии его более точного определения. Показано, что публицистических стратегий может быть множество, и они имеют различную степень и тип связи с авторским/личностным мифом. В научный оборот введены публицистические тексты А. И. Приставкина 2000-х годов в качестве объекта журналистского анализа.

Мы также считаем, что диссертация может открыть в русскоязычных исследованиях нишу, подобную изучению риторики и публичных высказываний общественных фигур (public figures) в западных исследованиях. В качестве рекомендации для продолжения исследований можно предложить автору изучить литературу по тематике феномена public figures («общественно-значимых фигур»). Этот термин несколько отличается от российского термина «общественный деятель» и как раз предполагает, что основная работа общественных фигур – формулирование ценностных ориентиров и аргументации к ним. Поэтому диссертация представляется безусловно значимым произведением, способным проложить мостик к этой зоне исследований в других странах, заполнить значимую лакуну в российской практике анализа общественного дискурса и публичной риторики через призму публицистики.

Однако, как и любое научное сочинение, представленная работа не избежала некоторых недостатков, касающихся в основном периферийных тем диссертации. Перечислим их по пунктам.

1. Наиболее слабым представляется первый параграф работы, который посвящен анализу текущего состояния теории жанров в целом и публицистическим жанрам в частности. Так, во-первых, в параграфе 1.1. сомнительно авторское применение термина «жанр». Стандартную для российской и советской журналистики трехчастную структуру жанров (информационные, аналитические, публицистические) автор выводит заново на основе не самых популярных работ, при этом называя жанром целую группу жанров («собственно-публицистический жанр», с.23). Также сомнительно (даже «с опорой на А. Тертычного») отнесение эссе и рецензии к аналитическим жанрам, а каламбура – к жанрам журналистики в целом. Во-вторых, говоря о «воздействующей функции» информационных жанров, автор упоминает «исследования Д.Б.Измаилаяна», игнорируя наличие и более чем 60-летнюю историю развития самой обширной зоны медиатеории – а именно, концепций и теорий медиаэффектов, где описаны не «скрытые» или «локуционные», а доказанные эксплицитные элементы жанровой и стилистической природы медиатекста, а также редакционные практики, в совокупности приводящие к поведенческим, аттитудным и иным психологическим последствиям в жизни медийных аудиторий (хотя бы наиболее популярные эффекты – гейткипинг, адженда-сеттинг, фрейминг и др.). В-третьих, автор

также говорит о «новостной ценности», явно подразумевая концепцию критериев отбора новостей (news values), включающих актуальность (не «сиюминутность»!), релевантность, конфликт и др. При этом автор смешивает критерии отбора новостей и «мощное психологическое воздействие». Следовало опереться на литературу о news values, чтобы четче понять, о чем идет речь (в работе эта литература не упомянута). В-четвертых, автор упоминает «перевернутую пирамиду» как «публицистический закон», тогда как это лишь метафорическое наименование жанрово-специфической совокупности композиционных элементов новостного текста в рамках ограниченной по объему газетной полосы, где детали происходящего располагаются по значимости (чтобы их можно было урезать при необходимости), а носителем основной информации является лид. Но главное, что анализ теории информационных жанров не совсем релевантен тематике исследования и можно было его опустить, сосредоточившись на публицистических жанрах и их композиционно-стилистических особенностях. Далее автор смешивает feature в узком смысле (как жанр англо-американской журналистики) и ненювостные жанры в целом (feature genres); действительно, немудрено запутаться, тем более что в российской медиатеории по этому поводу катастрофическая путаница существовала задолго до данной диссертации. Но все же нельзя не указать, что feature – это не «изюминка текста» и не «занимательная» журналистика, а наименование целой группы (собственно, всех) ненювостных жанров, к которым относятся фичер как таковой (текст, направленный на постановку общественного вопроса через субъективный авторский опыт; стилистически наиболее близок очерку, но выполняет иную, более узкую задачу), комментативные жанры (рецензия, колонка и др.), аналитическая статья и близкие ей другие аналитические жанры (чаще всего экспертные высказывания в разной форме), очерк и фельетон (встречаются редко, называются общим словом sketch), сатирические жанры (включая карикатуру и комикс), интервью с элементами биографии или описания (featurized interview), многие новые жанры (например, listicle или лонгрид), избранные письма в редакцию, передовицы, некоторые жанры фотожурналистики и мн.др. Эти жанры объединяет их ненювостной, нерепортажный характер, а также допущение субъективизма – в описании опыта, аналитике, ценностном высказывании. В оправдание автора следует подчеркнуть, что слабость параграфа 1.1 вполне отражает сумятицу в современной российской теории журналистских жанров, имеющей искаженное представление о зарубежных жанровых системах и содержащей крайне мало работ, где выделение жанровых групп базировалось бы не на авторской интуиции, а на четком понимании того, что жанр журналистики – это функционально-стилистический ответ на определенный читательский запрос, существующий в социополитическом и историческом контексте (а значит, на одновременном анализе стилистических, композиционных, социолингвистических и экстралингвистических элементов жанра).

2. Можно посоветовать автору избегать попыток говорить, что самоцелью создания публицистического текста является «психологическое воздействие на общество». Сформулированное так, это высказывание может подразумевать воздействие, не осознаваемое аудиторией, тогда как такой посыл противоположен едва ли не всей этике профессии журналиста. Описанное автором далее «формирование деонтологических ориентаций аудитории» не имеет подобных коннотаций и потому приемлемо и красиво, хотя также несколько сомнительно с точки зрения концепции «рынка идей» (marketplace of ideas), где журналисты и медиа играют роль не «властителей умов», а арены для описания различных общественных взглядов и дискуссии между ними. Тем не менее российское (и

немецко-французское, откуда досоветская и советская журналистика черпала жанровую палитру) понимание публицистики предполагает открытое ценностное высказывание, обосновывающее тот или иной социальный выбор, что близко «адвокатирующей» журналистике (advocacy journalism) и feature как жанру (но не всем неневостным жанрам!) в англо-американской традиции. В этой связи следует подчеркнуть, что в работе процитировано замечательное (и даже неожиданно точное для 1971 года) определение из Краткой литературной энциклопедии. В нем, в частности, указано, что целью публицистики является «повлиять на общественное мнение и существующие политические институты или изменить их в соответствии с определенными классовыми интересами (в классовом обществе) или социальным и нравственным идеалом» (с.51). При том, что можно посчитать различия между «психологическим воздействием» и «влиятием на общественное мнение» казуистикой, мы все же настаиваем на наличии четкой разницы между открытой полемикой, призванной повлиять на полисинговый процесс («существующие политические институты» или даже «общественное мнение», выражаемое через позиции отдельных спикеров), и «психологическим воздействием» на конкретного человека, у которого нет возможности ответить публицисту на равных, а иногда нет и возможности отследить и обдумать такое влияние. Следовало, возможно, уделить больше внимания именно этому определению, тем более в связи с тем, что работа оценивает связь общественной деятельности и содержания публицистических текстов. Более того, в приведенном определении содержится указание на два возможных «состояния» публицистики с точки зрения ориентации на идеал – классовое и бесклассовое. Несмотря на идеологическую заданность такого определения 1971 года, оно может дать пищу для размышления о том, какие именно ценности («социальный и нравственный идеал») А. И. Приставкин вкладывал в свои тексты – идеологические (коммунистические) или универсально-гуманистические, если речь в работе идет о том, что тексты Приставкина способствовали положительному восприятию антикоммунистических перемен. Такой подход, вероятно, позволил бы выявить соотношение «советских» и «несоветских» ценностей в текстах Приставкина, а может быть, и показать постепенный поворот в его творчестве к новому ценностному комплексу, выражавшему сомнения как в позднесоветской модели социального развития, так и в новой атмосфере девяностых.

3. В начале работы, а также в выводах, выносимых на защиту, упоминаются термины «медиакратия» и «медиакратический», но не упомянуты российские работы по теории медиакратии. В частности, в российских исследованиях указывается, что следует различать этимологический и маркетинговый подходы к пониманию медиакратии. Автор, называя реальность «медиакратической», не указывает, с какой точки зрения он смотрит на медиакратию: как на возможность медиа влиять на аттитюды и поведение аудитории через особым образом организованный медиатекст и его структурные и нарочные искажения (structural and intentional biases) – или как на сращение журналистики и политики в рамках медиакратического комплекса, отгораживающего истину от аудитории (в российской теории этот подход разрабатывался как ведущий, более значимый). Из контекста понятно, что автор придерживается, скорее, первого подхода, но иногда использование термина «медиакратический» нельзя отнести ни к одному из описанных подходов («особая медиакратическая реальность», с.18). Хотелось бы уточнить, что понимается под термином «медиакратический» на протяжении всей диссертации.

4. Также некоторые небольшие недочеты можно выявить в научном аппарате диссертации. Так, не определена новизна исследования, а методологические подходы

описаны несколько раз с различных позиций. Во введении не указаны конференции, в которых участвовал автор. Следует также указать на небольшие неточности в описании привлеченной литературы (в частности, не указано авторство Д. Хэллина в книге «Comparing media systems», указано «Лумана» вместо «Луман» и нек.др.).

Эти недочеты, однако, относятся к периферийным темам диссертации и напрямую не влияют на оценку работы автора. Диссертация Арслана Дагировича Хасавова на тему «Отражение общественной деятельности писателя в его политической публицистике (на примере творчества А. И. Приставкина)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Арслан Дагирович Хасавов заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по научной специальности «5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика». Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета,

д.полит.н., доцент, профессор кафедры

менеджмента массовых коммуникаций СПбГУ

С. С. Бодрунова

20.12.2022